

ДОБРОВОЛЬНАЯ КАТОРГА

В Боринское мы приехали рано утром. Лил нестерпимый холодный дождь. По указанному в объявлении адресу нашли нужный дом. Я думал, что увижу трехэтажные хоромы, но был глубоко разочарован, увидев обычный кирпичный одноэтажный домик на два хозяина. Беспрепятственно вошел во двор, открыл калитку, а затем и входную металлическую дверь. Постучался – никого. «Неужели и в такую погоду фермеры работают?» – промелькнула шальная мысль. Оказалось, что нет, просто хозяин дома ходил на двор кормить свою живность.

– Почему я дал такое объявление? – говорит Валентин Александрович ЗАИН. – Потому что по отношению к нам ни одно постановление президента и правительства не выполняется. Когда я в девяносто втором году уходил в фермеры, был Указ президента – землю фермерам давать рядом с домом. Нам ее дали в пятнадцати километрах от жилья. И землю выделили самую негодную и заброшенную. Это одно, а второе – земли дали очень мало. Мы просили хотя бы гектаров по сто, а нам выделили минимальное количество – всего сорок шесть гектаров.

Я работаю один. Как ушел в девяносто втором году из совхоза, так и тружусь один. И с сорока шести гектаров особого богатства нет, работаю по нулям. То, что собрал, снова вкладываешь в дело. Хотя у меня имеется полный набор техники. Есть и зерновой комбайн «Нива», и «ГАЗончик»-самосвал, и сеялка, и сцепка, и два гусеничных трактора «ДТ-75», «МТЗ-82», и «Т-40». Склад-модуль собрал, своими же силами. В нем есть сортировка, электричество, и воду я подвел. Своими руками сделал мельницу, компрессор. На все это хозяйство одних документов пришлось оформить целую кипу.

– А кто хочет пахать? Кто хочет приобретать позвоночную грыжу? Нас, когда мы ушли из совхоза, надо считать как целинников. А нам только палки в колеса вставляли и до сих пор вставляют. Я когда объявление давал, рассчитывал, что кто-то из приезжих переселенцев захочет мое хозяйство купить. Им все-таки какая-то поддержка идет от государства, им и льготные кредиты дают. Может быть, они кредит возьмут и купят у меня мое хозяйство. А из наших, местных, никому ничего не надо. Все уже знают, что это тяжелейший труд.

– А как ваша семья к вашему фермерству относится?

– С женой развелся, дети уехали, живу и работаю один. Младший сын педагогический институт закончил, работал в школе в Падах. Работал за копейки. Его учительской зарпла-

рации? Я туда гречиху отвез, это было пять лет назад, а деньги получил лишь через два с половиной года. И на них я смог купить только два аккумулятора на комбайн. Получается, что я год работал за два этих аккумулятора. Вот такая арифметика.

– Во сколько же вы оцениваете свое хозяйство?

– Как сказать, по счетам. Что ломить-то? Вся техника с девяносто второго года. Но я за ней слежу, и она у меня вся в рабочем состоянии.

Ты вот попробуй подсчитай: у меня – «ГАЗон», два колесных трактора, «УАЗик», все это надо застраховать, пройти технические осмотры, и только на все надо месяц времени потратить. А где его взять? Летом – в поле, зимой – отчеты пишем да ремонтируемся. На собрании сказали, что будут компенсировать средства, взятые по кредитам и

степенно сходим на нет. Развития нет, значит, наши перспективы нулевые.

В этом году виды на урожай никакие – погода подкачала. Яровые очень слабые. Дождей у нас почти не было – ни на кущение, ни на налив. Колосок от земли только оторвался, и комбайн его не сострижет. Импортные возьмут, но где такие деньги взять, чтобы импортную технику купить? Поэтому в этом году нам мало что светит, а на кредиты мы не надеемся. Надеемся только на свою шею и спину, которую уже свернули.

За все время моего фермерства я обратился за кредитом один раз. Пятьдесят тысяч попросил в банке на горючее. Мне говорят, сумма эта маленькая, не дадим. Миллион дадим. Я тогда говорю, а если взять миллион, что нужно? Они говорят, залог миллионов в девять. Если

ны. Против фермерства сейчас никто не против, если раньше давили сверху, то сейчас, пожалуйста, занимайся, вот только помощи – никакой.

Допустим, у меня или у него сломается комбайн, все – для нас год пропал. Мне, например, опрыскиватель на целый год не нужен, но где взять его напрокат? Можно же сделать как-то все это централизованно. Мы чувствуем, что идем к финишу. С одной стороны – это нормальный процесс, мелкие хозяйства разоряются во всем мире, а с другой стороны, и государству была бы от нас выгода. На месте люди заняты, семейно развивались. Дети у нас ведь ни у кого не остались в хозяйстве. Закончили институты и разъехались кто куда. Дочь у меня бухгалтер, зять – инженер. Сын тоже сельскохозяйственный закончил. У меня уже все специалисты были, и они могли бы грамотно вести хозяйство, но они посмотрели, как мы мучаемся, и ушли. Они здесь себе и пенсию не зарабатывают.

РУССКОЕ ПОЛЕ

Валентин Александрович все-таки свозил нас на свое поле. Путь, действительно, от его дома до поля лежал неблизкий. Катим мимо заповедного места, с одной стороны поля, с другой – березки.

– Раньше, – говорит он, – совхозу добывать песок здесь было запрещено, а сейчас, пожалуйста, рюк. Там какие-то реликтовые растения растут, нельзя было их губить, теперь на это всем начхать. А вот в этом леске грибы есть, только мне за ними ходить некогда. А это поля «Авроры», – показывает он на засеянные свеклой и ячменем просторы, – а вот и мое поле. Бурьян у меня на поле, в отличие от соседних, не растет.

После посещения угодий Валентина Александровича заезжаем еще к одному фермеру, у него поле рядом с полем Ва-

ПРОДАЮ ХОЗЯЙСТВО

«Продаю крестьянско-фермерское хозяйство с полным набором техники и урожаем». Такое объявление появилось недавно на страницах нашей газеты. Захотелось встретиться с владельцем хозяйства и узнать, что же его побудило к столь се-

ство, и воду я подвел. Своими руками сделал мельницу, компрессор. На все это хозяйство одних документов пришлось оформить целую кипу.

– Сколько же в Боринском фермеров? – интересуюсь я.

– Было порядка десяти человек. Многие это дело уже бросили. До девяносто второго года я работал в совхозе главным инженером. Сначала передо мной ушел в фермеры агроном-семеновод, потом агроном-мелиоратор, затем – инженер по сельхозмашинам. Все вместе мы и начинали это дело. В совхозе платить стали мало, вот мы и решили податься на вольные хлеба.

ВОЛЬНЫЕ ХЛЕБА

Из сорока шести гектаров сейчас одна треть у меня черный пар. Посажен ячмень и овес. А пробовал сажать все, даже свеклу. Но ничего из этой затеи не получилось. Набора техники для свеклы нет, а по сегодняшним временам ее вообще не приобрести. Она миллионы стоит.

В девяносто втором году я взял кредит и на этот кредит приобрел всю свою технику. И года четыре потом за нее расплачивался, чтобы погасить кредит, денег на другие нужды не было. После этого я никогда не брал кредиты и думаю, что больше их и не возьму.

Нам никогда не известно, сколько будет стоить килограмм пшеницы или ячменя. Поэтому не знаешь, на какую сумму рассчитывать, если даже и взять кредит. Да и с мясом так же. Я пробовал держать поросят, доходило до тридцати семи голов, но от этого я только приобрел позвоночную грыжу и три месяца ходил на клюшках. И на этом животноводство мое кончилось. Стал заниматься только одними зерновыми. Они более-менее рентабельны.

– А по объявлению вашему кто-нибудь приходил?

ВСТРЕТИТЬСЯ С ВЛАДЕЛЬЦЕМ ХОЗЯЙСТВА И УЗНАТЬ, ЧТО ЖЕ ЕГО ПОБУДИЛО К СТОЛЬ СЕРЬЕЗНОМУ ШАГУ.

ты даже на бензин не хватало, чтобы туда на машине ездить. Год проработал и сказал, что до двадцати семи лет за эти гроши трудиться не намерен, и добровольно ушел в армию. Отслужил, сейчас продавец в магазине работает. А старший заканчивал сельхозинститут, учился на бухгалтера. После института работал фотографом четыре года. Вот такая вот петрушка. Везу воз все время в гору, но еще ни разу его с горы не удалось спустить. И это фермерство – добровольная каторга. Давно бы бросил, да вроде жалко.

Валентин Александрович ведет меня на двор, показывает свою технику. Тут же гогочут утки, хлопчут куры, в клетках сидят лопухие кролики.

– Чтобы все это хозяйство поддержать, все мои заработки и уходят. А сам питаюсь абы как.

Вот нас называют крестьянско-фермерскими хозяйствами, а как можно назвать крестьянско-фермерским хозяйством меня одного? Земля у меня не запущена, не зарощена. Потом поедом, я тебе покажу. Правда, яровые в этом году сгорели. Я в них вбухал тридцать тысяч, да удобрений купил две тонны по пять тысяч, гербицидов пять литров израсходовал тоже на пять тысяч рублей, семян купил на две с половиной тысячи. Обновлять ведь их надо? – Надо. Своих семян тысяч на пять туда вбухал плюс солярка. Вот и все мои капиталы.

Зерно сдать куда придется – на колхозном рынке, в Подгорное вожу, а еще в корпорацию продовольственных товаров. Что хочу сказать насчет корпо-

потраченные на технику, а я все за наличные покупаю – меня и отфутболили.

Я бы бросил это свое хозяйство и ушел в сторожа, чтобы дотянуть до пенсии. Мне уже пятьдесят пять лет. А уйти-то и некуда. Совхоз наш развалили. Говорят, что продали за шестьсот тысяч рублей. Все имущество растащили за месяц. А поля совхозные тянулись от Боринского до Никольского.

В совхозе имущественные паи выходили на каждого по семь гектаров, сейчас один оборотистый человек скупает эти паи по двадцать тысяч рублей за пай. Хотя пай стоит около ста шестидесяти тысяч, а то и больше, в зависимости от земли. Получается, что ему кредит, который выдается по президентской программе, очень необходим. За двадцать тысяч он землю скупил, а сто тридцать тысяч себе в карман положил. Пускай тридцать отдаст банку, сто себе останется. Вот для этого они и развалили совхоз.

МЕЛКИЕ НЕ В МОДЕ

– Живем мы никому не нужные, – говорит другой фермер, Василий Петрович, – мелкие фермеры сегодня не в моде. Теперь уж будем тянуть до пенсии. Но смысла в нашей работе я не вижу. Кредиты, которые выделяются, до нас не доходят. Техника у нас уже изношена, заложить мы ничего не можем. Ведь чтобы кредит взять, нужно что-то заложить. А закладывать нечего, если только самих себя. На простое производство средств не хватает, а на расширенное тем более. А раз нет расширенного производства, то мы по-

бы у меня были такие деньги, разве бы я пришел к ним за пятьдесят тысячями? Так и не договорились.

Зерно у нас скупают за копейки. Правда, оно от качества зависит. В этом году, наверное, будет один фураж. В прошлом году нам давали за килограмм зерна по три – четыре рубля, цены смешные. На протяжении четырех лет цена эта стабильная, хотя все остальное дорожает, а зерно нет. Сдаем его куда попало, лишь бы взяли, да и деньги отдают через полгода, а то и через год. В прошлом году продал зерно по трояку, отдали деньги только через год. Пришлось лезть в долги, чтобы хоть как-то выжить.

У меня сто гектаров, из них половину взял в аренду. С самого начала политика в отношении нас была чудная. Когда мы хотели взять землю, ввели ограничения. Наролин сказал, что фермерам давать надо не более пятидесяти гектаров. Вот нам и давали – кому двадцать, кому пятнадцать. Одному там кинули, другому в другом месте. Наши поля находятся очень далеко. Мы даже не можем помочь друг другу. Мы предлагали дать нам землю в каких-нибудь лежащих хозяйствах, мало-перспективных, объединить нас. Не дали.

Сейчас, может быть, политика и правильная – оставить лишь крупные хозяйства. Но я думаю, что могли бы и мелких фермеров, вроде нас, поддержать. Во-первых, это рабочие руки, во-вторых, мы работаем для себя. А сейчас мы в своем соку варимся и не знаем, до которого времени доживем. Наши беды всем известны, но никому мы не нуж-

поле, в отличие от соседних, не растет.

После посещения угодий Валентина Александровича заезжаем еще к одному фермеру, у него поле рядом с полем Валентина Александровича.

– Через две недели начнем уборку, – говорит Виктор Николаевич Буйанков. – Но я бы никому не посоветовал быть фермером. Втесались мы в это дело, да, видно, зря. Когда начинали, мне было сорок лет, сейчас – пятьдесят пять. Годы уже не те. А семье от нашей работы одни убытки. Когда жена работала на газовом участке, мы еще как-то перебивались, а сейчас, как она говорит, мы за двумя чертами бедности живем. С кредитом развязаться хочу, оставить пай и бросить это дело к чертовой матери! До пенсии осталось пять лет, будем как-нибудь перебиваться на подсобном хозяйстве, и смысла в нашей добровольной каторге я не вижу. Из тех, кто с нами начинал, осталось всего несколько человек, а шесть человек фермерство уже бросили. Мы вот прикипели, а толку от этой накипи нет никакой.

Поля в тех местах, где они есть, видимо, нам специально давали, чтобы мы их побросали побыстрее. Мне вот, чтобы доехать до поля, приходится «УАЗик» заправлять на сто рублей. В прошлом году на горючее дали компенсацию – четыреста рублей. Разве это деньги – курам на смех! Чтобы компенсировать расходы на аммиачную селитру выделили деньги, но такую сумму, что ее хватит только на один Липецкий район, а не на всю область. В общем, от их поддержки ноги протянешь.

P. S. По дороге домой я размышлял над всем сказанным и увиденным. Интересно, купит ли кто-нибудь у Валентина Александровича его хозяйство?

Из села Боринского
Андрей МАРКОВ.

№ 28 (871) 11.07.2007

